

Шайковская Людмила

«СМЕНА»

г. Калинин

16 МАР 1974

— Анна Георгиевна, я же Вам по личному вопросу... Повлияйте, пожалуйста, на моего мужа, совсем с ума сошел. Двое ребят. Взял, понимаете, и завел себе в бухгалтерии, она — Федорова.

Перед директором фабрики стояла некрасивая неопределенного возраста женщина, худющая, крючковатая, мяла в руках косынку и уливалась, уливалась слезами. Нос ее багровел на глазах. Волосы, собранные в старушечий жалкий пучок, затрапезная зеленая кофтенка в сочетании с синим фартуком да и прочие детали ее костюма и облика выдавали человека оступившегося, а, может, никогда и не поднимавшегося. И этот человек тоже хотел счастья и потому «выплакивал» у директорши обратно своего мужа...

Роль Тони в новом спектакле областного драматического театра «Из жизни деловой женщины» исполнила Людмила Шайковская.

Кто бы знал, как трудно и страшно писать об актерах. Трудно уже потому, что их труд, как и всякое творчество, — таинство, не до конца даже им самим понятное. А уж мы, люди из зрительного зала, тем более мо-

жем «дров наломать» в своих субъективных принятиях и непринятиях, симпатиях и антипатиях. А что если я ошиблась, поставив между расположением к актрисе Шайковской и ее актерской потенцией знак равенства? Может быть, только я, побывав на спектакле «Гостиница «Астория», долго вспоминала трехминутную сцену, когда маляр Полина (Шайковская) читала в «перекур» тете Дусе письмо с фронта? (Все остальное выпало, а это вот зацепилось. И роль-то — из-за такой не подерешься, и стоит она в конце столбца действующих лиц и исполнителей). Ошиблась? А «Ситуация», а «Из жизни деловой женщины», а «Иней на стогах»? Что это — счастливое совпадение удач? Ведь не в «Спортлото» актриса играет.

Нет, ее любили, в нее верили многие. Режиссер театра Виктор Шулман, говоря мне о Шайковской, вспомнил Серафиму Бирман. Он «видел» Людмилу на такой же вершине «лет через двадцать, конечно, если все у нее будет хорошо и если она будет работать»... Тяжелое это «если». Актерский труд мне не кажется таким, где можно набить руку, скорее избыть в кровь

душу. Он так же легок, как «вечная сессия», где экзамен принимает зритель, искушенный и неискушенный, и еще неиз-

вестно, чье сердце и разум легче пробить, смутить, взволновать.

Я помню актрису в одном из «предстартовых» дней перед, на и после генеральной репетиции.

За полчаса до репетиции будто бы безучастная, равнодушная к тому, что предстоит. Но, бог мой, что творилось внутри ее! Может быть, смятение от рассыпавшегося, разбившегося вдребезги образа? (Так бывает перед дверью в экзаменационную комнату, когда кажется, что ничего не знаешь.) Может быть, погоня за последними мазками, которые не смогла найти раньше?

Во время репетиции — явление другого, незнакомого человека, ждущего соучастия.

После репетиции — шквал дотошных вопросов, ливень критического любопытства, все с той целью, чтобы моими глазами увидеть то, что и

как происходило на сцене. Но все же я задаю провокационный вопрос:

Целый день на нервах, целый день в чертополохе мыслей о спектакле. — А если однажды поймешь, что ошиблась,

я буду знать, что все же была счастлива...

«И жизнь, и слезы, и любовь» — для нее театр. Торжественная тишина генеральной... Ты вот-вот уйдешь, как ракета, в космические просторы роли. «Пепельницу режиссеру, и можно начинать...». Взвилась, и вот уже не человек, а пульсар, посылающий в зал сигналы, невидимые, неслышимые и все же проникающие в нас. А зритель, конечно, только в последнюю очередь подумает (если подумает), как могла ты, двадцатитрехлетняя, взять на себя смелость нести ношу, долю хлебнувших жизни героинь своих? Крохами собственного опыта того не осилишь. Равнодушным фантазированием — тоже. Настрой души? Печать чужой печали? А может, все вместе?

Зритель неискушен в актерской «кухне», но потому-то его оценка резка: сделала роль — умная актриса, не сделала — глупая. Тебе же в особенности неуютно перед зрителем, потому как ничем, кроме своей искренности, не сможешь ты завоевать его сердце, коль уверена в своей не-красивости. «Глаза маленькие, ноги тоже не

первый сорт. Некрасивая я... Когда поехала поступать, надела туфли на низком, чтобы не испугались роста, сшила юбку ниже колена — прикрыла ноги. Иду, а на ступеньках перед училищем такие девицы сидят, куда мне...»

Но как видите, зря кручинилась Люда, нашлись люди, которые увидели в ее лице не некрасивость, а ту веселую неоформленность, недосказанность, которая может обернуться и солнечным цветастым летом, и трагической холодностью зимы. Главное, был холст и были краски.

Она любит и комедийные роли, и роли «со слезой», умеет отдаваться танцу, веселью и остается завидно серьезной в отношениях с театром. Достаточно назвать имена Демидовой и Шурановой, маячащих далеко впереди, чтобы увидеть под налетом театральности (в бытовых условиях) громоздкую, малоуютную, но освещающую все мечту.

М. АВВАКУМОВА.

НА СНИМКЕ: Л. Шайковская. Фото А. Рождественского.

„Некрасивая“?..

Рассказ
об участнице Всесоюзного смотра творческой молодежи

И так всю жизнь. Хватит ли пороху? Но огонь в театр — студия при Дворце химволонка, Щукинское училище — что «работы» в театре много», ее только радует. И это означает, что че- — Все может быть, но